ИСТОРИЧЕСКОЕ И СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ МѢСТО РУССКОЙ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ [1]).

(Отвѣтъ П. Н. Милюкову).

(1898 г.).

Предисловіе къ третьему изданію „Очерковъ по исторіи русской культуры“ г. Милюковъ посвящаетъ моей рецензіи на его книгу. Я очень признателенъ почтенному автору за это: благодаря вниманію, обращенному имъ на небольшую журнальную рецензію, высказанныя въ ней мысли получатъ такъ или иначе болѣе широкое обращеніе, а нѣкоторыя недоразумѣнія, въ которыя впалъ г. Милюковъ, даютъ мнѣ поводъ развить мой систематическій взглядъ на историческую роль кустарнаго производства въ Россіи.

Въ экономической наукѣ давно не было такого праздника, какъ тогда, когда въ 1892 и 1893 гг. Карлъ Бюхеръ опубликовалъ свои замѣчательные этюды о развитіи народнаго хозяйства и формъ промышленности [2]). Его конструкція историческаго развитія формъ хозяйства вообще, формъ промышленности въ частности пролила яркій свѣтъ на множество собранныхъ фактическихъ

---

[1]) Настоящая статья перепечатывается здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ я прочелъ ее въ засѣданіи Историческаго общества при Спб. университетѣ весной 1898 г.

[2]) Сборникъ „Entstehung der Volkswirtschaft“ (2-е изд. Тюбингенъ, 1898) и статья „Gewerbe“ въ Handwörterbuch d. Staatswissenschaften. Band III. На русскомъ языкѣ: „Происхожденіе народнаго хозяйства“ (изд. М. И. Водовозовой, Спб. 1897) и статья „Историческое развитіе и классификація формъ промышленности“ въ Сборникѣ „Исторія труда“ (изд. М. И. Водовозовой, Спб. 1897).

данныхъ, внесла въ сырой матеріалъ теоретическую связь и систематическое единство. Бюхеру удалось подмѣтить признакъ, выдѣленіе котораго позволило создать настоящую, естественную и историческую систему формъ хозяйства и формъ промышленности. Этимъ признакомъ въ глазахъ Бюхера явилось отношеніе между производствомъ хозяйственныхъ благъ и ихъ потребленіемъ или, еще точнѣе, длина того пути, который проходятъ хозяйственныя блага отъ производителя къ потребителю. На основаніи этого кардинальнаго признака, который имѣется на лицо во всякомъ хозяйствѣ, ибо вездѣ блага производятся и потребляются, какова бы ни была техника и соціальныя отношенія, Бюхеръ установилъ три ступени хозяйственнаго развитія:

1 Ступень замкнутаго домашняго хозяйства (чистое производство для собственнаго потребленія, безобмѣнное хозяйство): блага потребляются въ томъ же хозяйствѣ, въ которомъ они производятся.

2. Ступень городского хозяйства (производство на заказъ, прямой обмѣнъ продуктовъ): блага переходятъ непосредственно изъ производящаго ихъ хозяйства въ потребляющее.

3. Ступень народнаго хозяйства (товарное производство, ступень обращенія или циркуляціи хозяйственныхъ благъ): блага, прежде чѣмъ попадаютъ въ потребленіе, по общему правилу, проходятъ черезъ цѣлый рядъ хозяйствъ.

Въ каждый данный историческій моментъ могутъ сосуществовать хозяйственныя формы, характерныя для всѣхъ трехъ ступенеи, которыя соединяются между собой цѣлымъ рядомъ неуловимыхъ переходовъ. Но въ то же время для каждаго даннаго историческаго момента, т. е. для каждой данной ступени хозяйственнаго развитія существуетъ извѣстное нормальное, т. е. обычное или господствующее отношеніе между производствомъ хозяйственныхъ благъ и ихъ потребленіемъ, въ очерченномъ выше смыслѣ, т. е. въ смыслѣ „длины пути“

Исторической системѣ формъ хозяйства, установленной Бюхеромъ, соотвѣтствуетъ параллельная, столь же естественная и столь же историческая система формъ промышленности. Первой ступени хозяйства соотвѣтствуетъ домашній промысловый трудъ внутри единаго, нераздѣльнаго, самодовлѣющаго натуральнаго хозяйства (Hauswerk или Hausfleiss). Въ своей чистой формѣ онъ не предполагаетъ обмѣна и не нуждается въ немъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи избытки продуктовъ надъ собственнымъ потре-

бленіемъ начинаютъ отчуждаться. Отчуждаются они или неизвѣстному, или вполнѣ опредѣленному потребителю. Второй случай имѣетъ мѣсто и тогда, когда промысловый трудъ, развившійся на почвѣ единаго самодовлѣющаго домашняго хозяйства, отчуждается не въ формѣ продуктовъ, а въ формѣ затратъ рабочей силы на обработку матеріала, принадлежащаго покупателю рабочей силы. Это—та форма промышленности, которую Бюхеръ называетъ Lohnwerk и которая характерна для первыхъ шаговъ городского хозяйства Она встрѣчается въ двухъ видоизмѣненіяхъ: промысловый рабочій обработываетъ чужой матеріалъ или въ помѣщеніи покупателя его рабочей силы, или у себя на дому.

Работа изъ чужого матеріала предполагаетъ непосредственный обмѣнъ между производителемъ и потребителемъ. Такое же непосредственное отношеніе между хозяйствомъ, производящимъ блага и ихъ потребляющимъ, мы видимъ и на дальнѣйшей ступени промысловаго труда, когда промысловый рабочій самъ поставляетъ тотъ матеріалъ, въ обработкѣ котораго заключается его профессіональный трудъ. Это производство продуктовъ по заказу опредѣленнаго потребителя и есть типическая форма ремесла, т. е. производства на заказъ. Въ отличіе отъ Lohnwerk, Бюхеръ называетъ ее Preiswerk, обозначая этими различными названіями, что въ одномъ случаѣ производитель получаетъ плату за трудъ, въ другомъ цѣну продукта. Рядомъ съ продуктами, производимыми на заказъ, т. е. для извѣстнаго потребителя, ремесленникъ можетъ производить продукты про запасъ, т е для неопредѣленнаго или даже случайнаго покупателя.

Но у ремесла кругъ неопредѣленныхъ покупателей всегда незначителенъ, узокъ, и въ этомъ смыслѣ этотъ кругъ является до извѣстной степени опредѣленнымъ. Такимъ образомъ, ремесленникъ рядомъ съ заказными продуктами производитъ иногда товары, но онъ сбываетъ эти товары непосредственно потребителю, который приходитъ въ его „лавку“, или съ которымъ онъ встрѣчается на городскомъ или сельскомъ базарѣ. Производство товаровъ на мѣстный базаръ, на которомъ производитель непосредственно сталкивается съ потребителемъ, есть форма промежуточная между ремесломъ и настоящимъ товарнымъ, т. е массовымъ производствомъ. Эта промежуточная форма можетъ возникать и изъ домашняго промысловаго труда, и изъ ремесла въ чистомъ видѣ. Съ другой стороны она можетъ

сочетаться съ земледѣліемъ, какъ главнымъ или побочнымъ занятіемъ, и съ чистымъ ремесломъ.

Разрывомъ непосредственной связи между хозяйствомъ, производящимъ блага, и хозяйствомъ, ихъ потребляющимъ, характеризуется настоящее товарное производство. Между производителемъ и потребителемъ становится посредникъ, торговецъ-предприниматель, представитель капитала въ ходячемъ смыслѣ этого слова. Сперва капиталъ овладѣваетъ сбытомъ продуктовъ, а потомъ подчиняетъ себѣ и производителя въ самомъ процессѣ производства. Сообразно этимъ двумъ ступенямъ развитія можно различать двѣ формы: децентрализованное и централизованное массовое производство товаровъ. Первое — это такъ называемая на Западѣ домашняя, а въ Россіи кустарная промышленность. Второе — фабричная промышленность. Рѣшающимъ признакомъ—и съ исторической, и съ логической точки зрѣнія,—отдѣляющимъ кустарную промышленность отъ ремесла (производства на заказъ) и отъ производства товаровъ на мѣстный рынокъ — назовемъ эту форму мѣстнымъ кустарничествомъ —являются условія сбыта. Непосредственное отношеніе между производителемъ и потребителемъ отсутствуетъ, и изъ этого вытекаютъ всѣ соціальныя отношенія, характеризующія децентрализованное товарное производство въ отличіе отъ ремесла и мѣстнаго кустарничества.

Болѣе того: исторія промышленности неопровержимо доказываетъ, что размѣры рынка, т. е условія сбыта могущественнымъ образомъ опредѣляютъ и чисто техническую эволюцію производства, которая, въ свою очередь, столь радикально отражается на дальнѣйшемъ развитіи соціальныхъ отношеній въ сферѣ промышленнаго труда. Извѣстный историкъ англійской промышленности Адольфъ Гельдъ могъ, поэтому, съ полнымъ правомъ сказать: „Die Absatzverhältnisse beherrschen die Production“. Но тутъ вставляетъ свое слово г. Милюковъ и, ссылаясь на авторитетъ Зомбарта, опорочиваетъ мое опредѣленіе кустарной промышленности: технически-ремесленное производство на широкій и неопредѣленный рынокъ, каковое опредѣленіе по своему существенному содержанію и смыслу совпадаетъ съ Бюхеровскимъ понятіемъ децентрализованнаго товарнаго производства. Прежде всего я долженъ замѣтить, что никакія мнѣнія Зомбарта, а тѣмъ болѣе невѣрныя для меня не обязательны. Зомбартъ въ своей прекрасной статьѣ, которую цитируетъ г. Милюковъ, задался похвальной цѣлью раскрыть и подчеркнуть соціальную природу отно-

шеній, господствующихъ въ домашней промышленности, показать, что это есть одна изъ формъ капиталистическаго производства Но, увлекшись этой почтенной задачей, Зомбартъ въ 1891 году хватилъ черезъ край и написалъ тѣ безусловно непродуманныя и несостоятельныя строки, которыя г Милюковъ выдвигаетъ теперь противъ меня и содержаніе которыхъ заключается въ признаніи опредѣленія кустарной (домашней) промышленности, построеннаго на характеристикѣ сбыта, ошибочнымъ.

Критика Зомбарта несостоятельна вотъ почему. Классификація—характеристика формъ промышленности, въ основу которой кладется отношеніе между производствомъ и потребленіемъ („длина пути“)—логически столь же законна, какъ и всякая другая. Труды Бюхера показываютъ, въ какой мѣрѣ она исторически и систематически плодотворна. Историческая же цѣнность характеристики домашней (кустарной) промышленности условіями сбыта опредѣляется тѣмъ, что и соціальныя отношенія, характеризующія эту форму, являются производными отъ условій сбыта. Мы знаемъ теперь, что размѣры рынка опредѣляютъ не только раздѣленіе труда, какъ училъ Адамъ Смитъ („Богатство народовъ“, книга I, гл. III), но и соціальныя отношенія участвующихъ въ производствѣ лицъ. Цитируемое г. Милюковымъ указаніе Зомбарта на нѣмецкія ремесла, имѣвшія цеховую организацію и работавшія для экспорта, для всемірнаго рынка, нисколько не опровергаетъ моего взгляда, потому что экспортирующее ремесло либо вовсе не ремесло, а домашняя (кустарная) промышленность съ цеховой организаціей (такихъ случаевъ было очень много на западѣ Европы) [1]), либо ремесло въ процессѣ неизбѣжнаго перерожденія въ кустарную промышленность. Такимъ образомъ, возраженіе Зомбарта не выдерживаетъ критики, именно, съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ самъ Зомбартъ: соціальныя отношенія въ экспортирующемъ ремеслѣ иныя и не могутъ не быть иными, чѣмъ въ ремеслѣ настоящемъ, представляющемъ производство на заказъ (Kundenproduktion). Неудивительно по-

[1]) Достаточно указать, что классическая сфера западной домашней промышленности, текстильная индустрія по общему правилу въ свое время обладала цеховымъ строемъ, и сохраняла его иногда долго послѣ исчезновенія соціальныхъ отношеній, характеризующихъ ремесло. Характерно, что еще въ 1848 году даже крефельдскіе ткачи-пролетаріи, которые никогда не были ремесленниками, требовали для себя званія мастеровъ.

этому, что впослѣдствіи самъ Зомбартъ, какъ указываетъ и г. Милюковъ, примкнулъ къ опредѣленію Бюхера и тѣмъ самымъ отказался отъ своей критики [1])

Впрочемъ, г. Милюковъ снисходительно относится къ неправильности моего опредѣленія, „болѣе важной по отношенію къ ремеслу, чѣмъ къ кустарной промышленности". Но мои опредѣленія и ремесла, и кустарной промышленности по существу сходятся съ классическими опредѣленіями Бюхера, у котораго они отчасти и заимствованы, и потому г. Милюкову слѣдовало бы направить свою критику на Бюхеровскую историческую систему формъ хозяйства и промышленности. Такъ какъ пока онъ такой критики не представилъ, то я могу спокойно перейти къ той „ошибкѣ" въ моемъ разсужденіи, которую г. Милюковъ называетъ „главною". Она, по мнѣнію моего оппонента, заключается въ томъ, что я русскую кустарную промышленность отождествилъ съ западно-европейской капиталистической домашней промышленностью. Г. Милюковъ не правъ, дѣлая мнѣ такой общій упрекъ. Я безусловно отождествляю русскую кустарную промышленность съ западной Hausindustrie лишь въ томъ пунктѣ, который для г. Милюкова представляется несущественнымъ, а для меня рѣшающимъ и съ исторической, и съ логически-систематической точки зрѣнія. Я разумѣю въ данномъ случаѣ условія сбыта. Г. Милюковъ противопоставляетъ мнѣ терминологію, установленную на Будапештскомъ статистическомъ конгрессѣ. Къ сожалѣнію, на этомъ конгрессѣ по вопросу о классификаціи формъ промышленности господствовало по истинѣ вавилонское столпотвореніе языковъ, результатомъ котораго явилась полная путаница понятій и именно потому, что въ данномъ случаѣ отсутствовалъ правильный критерій разграниченія формъ промышленности. На этой путаницѣ и покоится обычное и пресловутое противопоставленіе „народной" кустарной промышленности (nationale Hausindustrie) капиталистической кустарной промышленности (fabrikmässige Hausindustrie).

Насколько это противопоставленіе неправильно въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно обычно дѣлается, доказывается для меня очень убѣдительно, между прочимъ, тѣмъ, что и для г. Милюкова оно

[1]) Дополненіе 1902 г. Въ новѣйшее время Зомбартъ занялъ уже иную позицію и далъ подробную критику Бюхеровой системы формъ промышленности. Я не могу признать ее удачной и намѣренъ показать это, когда большой трудъ Зомбарта появится въ свѣтъ въ видѣ книги.

послужило источникомъ недоразумѣній и помѣшало ему ясно схватить основанія моего взгляда на историческое мѣсто русской кустарной промышленности.

Я совершенно согласенъ съ тѣми кто русскую кустарную промышленность считаетъ національной особенностью нашего экономическаго строя и развитія. Но я совершенно не согласенъ съ тѣми, кто типичную русскую кустарную промышленность отождествляетъ съ „народнымъ“ кустарнымъ производствомъ въ смыслѣ домашняго промысловаго труда земледѣльца. Эта послѣдняя форма характерна для всѣхъ странъ на извѣстной ступени развитія; въ наше время она одинаково характерна, напр., и для Венгріи, и для Румыніи, и для Россіи. Существо ея опредѣляется тѣмъ, что отчуждаются лишь избытки сверхъ того, что потребно для собственнаго хозяйства. Статистика этого кустарнаго производства въ Венгріи показала, что его распространеніе находится въ обратномъ отношеніи къ плотности населенія и къ развитію путей сообщенія. Это свидѣтельствуетъ, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ въ Венгріи дѣло съ тѣмъ, что я назвалъ „мѣстнымъ кустарничествомъ“, т е. съ промышленнымъ производствомъ, направленнымъ на снабженіе весьма узкаго рынка и предполагающимъ непосредственное отношеніе между производителемъ и потребителемъ, хотя первый не есть ремесленникъ, а второй не является заказчикомъ.

Если рынокъ расширяется и въ зависимости отъ этого связь между производителемъ и потребителемъ порывается, то мѣстное кустарничество смѣняется децентрализованнымъ товарнымъ производствомъ—кустарной или домашней промышленностью.

Теперь является вопросъ, что же представляетъ изъ себя традиціонная русская кустарная промышленность?

Очевидно, что это—вопросъ о типическихъ, главенствующихъ чертахъ опредѣленной формы промышленности. Его нельзя устранить ссылкой на „излишній схематизмъ“, потому что всякое выдѣленіе типическихъ признаковъ по существу неизбѣжно является схематичнымъ. Дѣйствительность представляетъ „параллельное существованіе разныхъ формъ производства“ и „неуловимые переходы“ между ними. Но наука, обобщая и абстрагируя, можетъ и обязана выдѣлять извѣстныя черты и строить на ихъ основаніи типы.

Итакъ, подъ какой типъ подойдетъ русская кустарная промышленность? Она не есть ремесло. Несомнѣнно, что общепри-

нятое, я бы сказалъ, вульгарное русское словоупотребленіе объемлетъ однимъ широкимъ терминомъ „кустарное производство“ или „кустарная промышленность“ и сельское ремесло. Стоитъ даже бѣгло просмотрѣть разныя поуѣздныя и поволостныя описанія кустарныхъ промысловъ (напр., въ „Трудахъ“ кустарной коммиссіи), чтобы видѣть, что подъ этимъ названіемъ фигурируетъ не только децентрализованное товарное производство и мѣстное кустарничество, но и настоящее ремесло. При томъ въ „Трудахъ куст. коммиссіи“ мы имѣемъ прямыя указанія на ту форму ремесла, которую Бюхеръ считаетъ характерной для первыхъ шаговъ западно-европейскаго городского ремесла, а именно на Lohnwerk

Но если у насъ несомнѣнно существуетъ и прежде существовало сельское ремесло и при томъ въ самой примитивной формѣ то столь же несомнѣнно, что значеніе его въ общей экономіи страны было и остается очень незначительнымъ. Вопросъ можетъ ставиться лишь о томъ, есть ли русская кустарная промышленность—мѣстное кустарничество или децентрализованное товарное производство. Этотъ вопросъ не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, тоже очень важнымъ, но существенно отличнымъ вопросомъ—о путяхъ происхожденія кустарной промышленности. Такое смѣшеніе препятствуетъ, повидимому, г. Милюкову съ полной отчетливостью схватить суть вопроса, какъ онъ былъ поставленъ мною. Еще менѣе указанный вопросъ о существѣ кустарной промышленности долженъ быть смѣшиваемъ съ вопросомъ о различныхъ стадіяхъ децентрализованнаго товарнаго производства. Если я въ „Критическихъ замѣткахъ“ говорилъ, что наше кустарное производство въ общемъ стоитъ на болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ западно-европейская домашняя промышленность съ ея совершенно явственнымъ капиталистическимъ характеромъ (стр. 101), то, какъ это явствуетъ изъ всего контекста (см., напр., стр. 99), я имѣлъ въ виду различіе западной Hausindustrie и нашей кустарной промышленности, какъ разныхъ формъ и стадій децентрализованнаго товарнаго производства. Г. Милюковъ не понялъ этого и потому счелъ возможнымъ опровергать меня цитатой изъ моей же книжки, въ которой по существу уже цѣликомъ выраженъ мой систематическій взглядъ на историческую роль кустарнаго производства (см. стр. 274). Свое происхожденіе кустарная промышленность можетъ вести либо отъ домашняго промысловаго труда (черезъ мѣстное кустарничество), либо отъ ремесла, городского или сельскаго, свободнаго или крѣпостного, либо отъ фабрики

путемъ ея децентрализаціи, или путемъ перенесенія въ домашнее производство техническихъ навыковъ, пріобрѣтенныхъ на фабрикѣ.

М. И. Туганъ-Барановскій превосходно показалъ, какую огромную роль сыграли фабрика и вообще капиталъ въ развитіи русской кустарной промышленности.

Несомнѣнно, что крупную роль, въ качествѣ исходной точки въ развитіи нашей кустарной промышленности сыграло также ремесло, крѣпостное и свободное. Приведу слѣдующій примѣръ для иллюстраціи:

„Въ „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1856 г. № 7 и въ „Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ 1860 г. № 5 про столярный промыселъ разсказана слѣдующая исторія: въ началѣ нынѣшняго столѣтія одному изъ вятскихъ старожиловъ Титову, построившему себѣ новый домъ, пожелалось омеблировать его собразно вкусу того времени. Съ этою цѣлью онъ поѣхалъ въ Казань заказать одному изъ тамошнихъ мастеровъ мебель, а если возможно, то и пригласить оттуда въ Вятку мастера этого ремесла, обѣщая ему много заказовъ, потому что въ Вяткѣ, будто бы, мастеровъ мебельныхъ до того времени не существовало. Одинъ нѣмецъ, мастеръ, какъ болѣе предпріимчивый, пріѣхалъ въ Вятку, и, получивъ обѣщанные заказы, взялъ рабочихъ изъ вятскихъ древодѣловъ, которые въ очень непродолжительное время такъ усвоили все необходимое по части мебельнаго мастерства, что не только открыли въ самомъ городѣ мастерскія, и тѣмъ лишили нѣмца работъ, но перенесли это ремесло и въ деревни, причемъ, безъ сомнѣнія, значительно понизили цѣны на мебель того же достоинства. Насколько разсказъ этотъ справедливъ — судить трудно. Алексѣй Николаевичъ Титовъ—(отставной землемѣръ, старикъ лѣтъ 65 или болѣе, внукъ вышеописаннаго Титова) объ этомъ разсказѣ того мнѣнія, что дѣдъ его скорѣе могъ привезти столяра изъ Архангельска или даже Англіи, съ которою Титовъ велъ обширную хлѣбную торговлю черезъ Архангельскій портъ и откуда не разъ вывозилъ разную мебель, часть которой еще и теперь сохранилась у А. Н. Титова, чѣмъ привозить нѣмца изъ Казани“. („Труды коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Выпускъ XI. 1884 г. Вятская губ. Стр. 140—141).

Въ Порѣчье (Рост. уѣзда) приготовленіе консервовъ занесено поваромъ „Славянскаго базара.“ Историческая связь кустарной промышленности съ промысловымъ отходомъ удостовѣряется, между

прочимъ, тѣмъ фактомъ, что кимрскіе сапожники еще въ послѣдней четверти XVIII вѣка были отхожими промышленниками.

Но исходная точка развитія кустарной промышленности (Anknüpfungspunkt, по выраженію Замбарта) въ томъ или другомъ случаѣ совершенно не мѣняетъ ни экономическаго существа децентрализованнаго товарнаго производства, ни основной причины его возникновенія—расширенія рынка.

Итакъ, что же типично для русской промышленной культуры, мѣстное кустарничество или кустарная промышленность? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ на основаніи цѣлаго ряда различныхъ соображеній. Прежде всего, въ какомъ случаѣ мы имѣемъ право говорить о промышленной культурѣ? Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что промышленная культура начинается лишь съ соціальнаго, профессіональнаго и техническаго выдѣленія промысловаго или промышленнаго труда изъ единаго и нераздѣльнаго самодовлѣющаго хозяйства. Правда, нѣкоторыя отрасли промышленнаго труда могутъ достигнуть сравнительно высокаго развитія внутри крупнаго хозяйства, основаннаго на принудительномъ трудѣ („ойкосъ"). Но такая хозяйственная организація въ сущности осуществляетъ внутри каждой самодовлѣющей хозяйственной еденицы широкое общественное раздѣленіе труда—основу всякой культуры и въ томъ числѣ промышленной. Про мѣстное кустарничество, непосредственно вырастающее изъ домашняго промысловаго труда земледѣльца (Hauswerk или Hausfleiss Бюхера), этого сказать нельзя: имъ знаменуется въ дѣйствительности полное отсутствіе въ странѣ промышленной культуры, конечно, поскольку нѣтъ другихъ формъ промышленности или, по крайней мѣрѣ, эта форма промыслового труда безусловно господствуетъ.

Ну, что же, скажутъ мнѣ, до фабрики и помимо фабрики въ Россіи не существовало никакой промышленной культуры. Эту точку зрѣнія, повидимому, приписываетъ мнѣ г. Милюковъ. „Источникъ.. теоріи г. Струве,—говоритъ г. Милюковъ,—можно видѣть въ наблюденіи Бюхера, по которому вся Восточная Европа, въ томъ числѣ и Россія, прямо перескочила изъ періода натуральнаго хозяйства въ современное мѣновое, миновавъ тѣ вѣка промежуточнаго развитія, которые въ Западной Европѣ характеризовались преобладеніемъ ремесла" (стр. XII).

Между тѣмъ мой взглядъ на экономическую и въ частности промышленную исторію Россіи далеко не отличается такой про-

стотой, какъ наблюденіе Бюхера, хотя г. Милюковъ и утверждаетъ, что я, воспроизводя взглядъ Бюхера, стушевалъ въ немъ и „продолжительность періода примитивнаго хозяйства“, и „насильственность, которою характеризуется по Бюхеру экономическій процесъ (развитія?) Восточной Европы вслѣдствіе скачка отъ примитивнаго натуральнаго хозяйства къ современному мѣновому». Вопроса о продолжительности періода примитивнаго хозяйства я совсѣмъ не касался по той простой причинѣ, что при примитивномъ хозяйствѣ, какъ я уже сказалъ выше, никакой промышленной культуры не существуетъ. Съ другой стороны, ту насильственность, которую подчеркиваетъ Бюхеръ, я могу признать лишь съ очень большими оговорками. Несомнѣнно, что у насъ въ Россіи ремесло, т. е. производство на заказъ, какъ форма промышленности, играло до сихъ поръ довольно ничтожную роль. Но, съ другой стороны, между „примитивнымъ хозяйствомъ“ г. Милюкова и развитымъ капитализмомъ, т. е. централизованнымъ товарнымъ производствомъ у насъ лежитъ эпоха, лишь теперь, быть можетъ, приходящая или уже пришедшая къ концу, эпоха невиданнаго нигдѣ распространенія кустарной промышленности, т. е. децентрализованнаго товарнаго производства

Мы всѣ знаемъ хорошо, что кустарная промышленность развилась и пріобрѣла серьезное экономическое значеніе тамъ, гдѣ земледѣліе не давало достаточно дохода и просто пропитанія населенію. Она развилась на почвѣ нужды значительной части крестьянства въ пищѣ для себя и въ деньгахъ для помѣщика. Съ другой стороны, если брать все народное хозяйство въ цѣломъ, въ кустарной промышленности выразилось ни что иное, какъ уже довольно давно обозначившееся и все болѣе и болѣе развивавшееся естественно-географическое раздѣленіе труда между различными областями нашей обширной страны. Опирающаяся на это широкое національное раздѣленіе труда кустарная промышленность, а не мѣстное кустарничество, и есть носительница нашей своеобразной промышленной культуры.

Что такъ обстоитъ дѣло въ современности, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Мы знаемъ доподлинно, что кустарная промышленность господствуетъ въ нечерноземной Россіи, а мѣстное кустарничество въ черноземной и земледѣльческой [1]); мы

---

[1]) Это очень хорошо показано, напр., въ книгѣ г В В. „Очерки кустарной промышленности въ Россіи“ Спб., 1886 г, стр 49—78.

знаемъ также, что экономическое значеніе кустарной промышленности не только есть и будетъ, но и всегда было неизмѣримо больше значенія мѣстнаго кустарничества. Наша „національная промышленность“ олицетворяется не лаптемъ, не кускомъ грубаго полотна, не примитивнымъ горшкомъ, вымѣниваемымъ на просо, а кимрскимъ сапогомъ, павловскимъ замкомъ, семеновской ложкой, тульской гармоникой—словомъ, предметами, имѣющими совершенно неоспоримое право на званіе товаровъ.

Но для меня не подлежитъ сомнѣнію, что это децентрализованное товарное производство, какъ промышленный типъ, вовсе не столь новаго происхожденія [1]). Оно такъ же старо, какъ его базисъ—національное раздѣленіе труда между неземледѣльческой и земледѣльческой Россіей. Въ сущности здѣсь кроется любопытная историко-экономическая особенность Россіи. Правда, она все убываетъ и обречена, безспорно, на конечное исчезновеніе. Но тѣмъ не менѣе тутъ для изслѣдователя цѣлая проблема сравнительнаго изученія экономической исторіи, проблема, которая до сихъ поръ, какъ мнѣ кажется, не была никѣмъ вполнѣ ясно и сознательно формулирована [2]).

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ томъ фактѣ, что наше децентрализованное производство, какъ типъ промышленной организаціи, является въ исторіи прямо съ чертами товарнаго производства, выражается общая отсталость и неразвитость нашей страны, стоящая въ связи съ ея естественно-географическими условіями, а также съ ходомъ политической исторіи и разселенія. Масса населенія слишкомъ бѣдна, чтобы могли существовать сколько-нибудь значительные мѣстные рынки; общественное раздѣленіе труда проникло еще недостаточно глубоко, оно опредѣляется еще исключительно естественно-географическими условіями; господствуетъ натуральное хозяйство и домашній промысловый трудъ земледѣльца, а потому и нѣтъ мѣста для широкаго распространенія ремесла, которое предполагаетъ значительную дифферен-

---

[1]) Ср 3-й томъ Г Шторха „Historich statistiches Gemalde des Russ. Reiches am Ende des XVIII Jahrh.“ (Leipzig 1799) и А Корсакъ „О формахъ промышленности“ и т. д. (Москва 1861) гл. IV Корсакъ говоритъ: „Къ концу прошлаго столѣтія этихъ оптовыхъ ремеслъ (курсивъ подлинника), какъ называютъ ихъ нѣкоторые, развилось въ Россіи очень много“ (стр. 121) Оптовое ремесло — это очень остроумное житейское обозначеніе децентрализованнаго товарнаго производства

[2]) Нѣкоторый намекъ на нее мы находимъ у Корсака, стр. 123 и сл

ціацію въ границахъ небольшихъ хозяйственныхъ территорій. Но въ то же время вся хозяйственная территорія страны или значительныя ея части представляютъ довольно внушительный рынокъ, опираясь на который можетъ существовать товарное производство съ характернымъ для него господствомъ капитала: нѣкоторое значеніе здѣсь, какъ и всюду, имѣетъ и внѣшняя торговля. Получается выводъ, на первый взглядъ парадоксальный: существованіе въ странѣ промышленнаго производства въ формѣ товарной (Waarenproduction, а не Kundenproduction) стоитъ въ связи съ подавляющимъ господствомъ въ ней натуральнаго хозяйства, слабымъ развитіемъ городовъ и даже, въ извѣстной мѣрѣ, и промышленной техники, т. е. съ бѣдностью и экономической отсталостью страны. Но въ то же время это выросшее на почвѣ общей и, въ частности, хозяйственной отсталости товарное производство гораздо ближе къ развитому капитализму, чѣмъ западноевропейское ремесло—продуктъ экономически и технически болѣе богатой культуры. Такимъ образомъ, при нашей экономической отсталости и въ связи съ ней создалась экономическая форма, въ томъ пунктѣ, который для эволюціи промышленности вообще и ея соціальныхъ отношеній въ частности имѣетъ рѣшающее значеніе, тождественная съ развитымъ капитализмомъ. Этотъ пунктъ—отношеніе между производителемъ и потребителемъ, условія сбыта. Я не говорю, что Россія, благодаря этой особенности, ушла дальше другихъ странъ по пути капиталистическаго развитія—этого не было и нѣтъ, но я констатирую фактъ, который невозможно оспаривать. Такимъ образомъ, въ нижеслѣдующихъ строкахъ своей рецензіи я далъ лишь описаніе фактическаго положенія вещей: „Обладая въ качествѣ національнаго и традиціоннаго типа промышленной организаціи формой производства, съ точки зрѣнія сбыта и отчасти соціальныхъ отношеній, тождественной съ развитымъ капитализмомъ, мы именно, благодаря этой національной особенности, имѣли—съ самаго начала усиленной нашей европеизаціи въ промышленномъ отношеніи—сравнительно съ Европой гораздо болѣе свободныя руки... Въ тотъ моментъ, въ который мы столкнулись съ интенсивной, несущейся съ Запада капиталистической культурой, мы менѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ въ моментъ капиталистическаго грѣхопаденія располагали антикапиталистическими традиціями и учрежденіями въ области промышленности. Гдѣ было у насъ цеховое ремесло? Когда велась въ Россіи борьба за свободу промышленности? Словомъ,

никакой промышленной культуры, кромѣ капиталистической, у насъ никогда и не было".

Но, говоритъ г. Милюковъ, если „не доказано, что антикапиталистическія традиціи не помѣшали развитію западнаго капитализма", то „содѣйствіе, оказанное національнымъ и традиціоннымъ типомъ производства русскому капитализму представляется еще болѣе проблематичнымъ". Несомнѣнно, что „антикапиталистическія традиціи" не помѣшали развитію западнаго капитализма, но для всякаго знакомаго съ западно-европейской промышленной исторіей столь же несомнѣнно, что онѣ ему мѣшали. Процессъ развитія современнаго хозяйственнаго строя Западной Европы потому и представляетъ такую сложную картину, что здѣсь мы видимъ самыя разнообразныя теченія, различныя акціи и реакціи И „антикапиталистическія традиціи" при всемъ своемъ конечномъ безсиліи занимаютъ въ исторіи этого строя довольно видное мѣсто. Иначе и быть не могло. Цѣлая богатая и во многомъ принципіально враждебная капитализму культура не могла просто, безъ боя уступить своего мѣста. Что тутъ происходила напряженная борьба культурныхъ формъ и традицій, можно доказать цѣлой горой фактовъ, которые могли бы занять не печатный листъ, а одну или двѣ книжки журнала. Мнѣ приходится ограничиться нѣсколькими указаніями. Безспорно, что, по конечному результату своей дѣятельности, злѣйшимъ врагомъ ремесленно-городской, т. е цеховой культуры было новѣйшее государство съ его меркантилистической политикой. Но давно уже замѣчено, что хозяйственная политика меркантилизма, разрушительная по отношенію къ старому городскому строю, въ своихъ пріемахъ представляла сколокъ съ хозяйственной политики городовъ, проникнутой цеховымъ духомъ и служившей цеховымъ интересамъ. Тутъ можно сказать по истинѣ: le mort saisit le vif

Въ частности, политика меркантилизма по отношенію къ кустарной промышленности (Hausindustrie) испытала на себѣ могущественное вліяніе антикапиталистическихъ цеховыхъ традицій и представляла собою компромиссъ новыхъ требованій жизни съ этими традиціями. Это можно видѣть на классической исторіи англійской шерстяной промышленности, въ которой развитіе крупной мануфактуры, по предположенію Эшли, было даже задержано воздѣйствіемъ законодательства Точно такое же указаніе дѣлаетъ Шмоллеръ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о страсбургской ткацкой промышленности: въ ней въ XVI и XVII вв.

цеховой духъ и цеховыя традиціи помѣшали заведенію „Drapry“, т. е. ткацкой фабрикѣ. А въ XVIII вѣкѣ (1716 г.) эльзасскій интендантъ доносилъ въ Парижъ: „il n'y a point de manufacture de draperie“. Въ общемъ западная Hausindustrie на первыхъ ея шагахъ была опутана регламентаціей. Были даже попытки навязать этой формѣ нарождающагося капитализма justum pretium, справедливую „божескую“ оплату кустарей предпринимателями.

Словомъ, когда на Западѣ на историческую сцену выступилъ съ своими притязаніями торговый и торгово-промышленный капиталъ, когда онъ сталъ — пользуемся образнымъ выраженіемъ г. Ключевскаго, употребленнымъ по другому поводу — забирать въ свои руки всѣ нити народнаго труда, тамъ была старая промышленная культура съ своими могущественными организаціонными традиціями и понятіями.

Традиціи регламентаціи и корпоративной организаціи были настолько сильны въ Западной Европѣ, что на основѣ и отчасти на развалинахъ цеховыхъ порядковъ здѣсь создалось цѣлое своеобразное к у с т а р н о е п р а в о, совершенно неизвѣстное неоформленной и неустойчивой русской кустарной промышленности. Кустари, скупщики и предприниматели были организованы или вмѣстѣ, или порознь въ цеховые союзы, и ихъ дѣятельность, т. е. взаимныя отношенія участвующихъ въ производствѣ лицъ были урегулированы нерѣдко самымъ тщательнымъ образомъ. Регулировалась техника. Товары должны были быть предписаннаго качества (сукно, напр., опредѣленной длины и ширины), они подвергались осмотру и клейменію. Старые писатели, какъ Юсти [1]), и нѣкоторые новые (Шмоллеръ) приписываютъ этой технической регламентаціи положительную роль въ техническихъ успѣхахъ производства; другіе, наоборотъ, отрицаютъ такое значеніе ея и видятъ въ ней лишь тормазъ. Всякій знаетъ о промышленныхъ регламентахъ Кольбера. Шмоллеръ, мнѣ кажется, правъ, считая эти регламенты относящимися. главнымъ образомъ, къ кустарной промышленности. Но западно-европейское кустарное право не ограничивалось регулированіемъ техники. Оно обнимало соціальныя отношенія. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ купцомъ-предпринимателемъ могъ сдѣлаться только человѣкъ, прошедшій ремесло въ качествѣ ученика (въ Ліонской промышленности); для

[1]) Технической регламентаціи Юсти приписывалъ высокія качества англійскаго сукна.

пріема въ цехъ плауенскихъ хлопчатобумажныхъ предпринимателей требовался извѣстный имущественный цензъ, и это требованіе было, несомнѣнно, въ интересахъ и кустарей, потому что, какъ это достаточно извѣстно, заработокъ кустаря и цѣна продукта особенно сильно понижается конкурренціей мелкихъ скупщиковъ, той конкурренціей, которую нѣмцы мѣтко называютъ „Schlenderkonkurrenz“. Въ Люнѣ для предупрежденія закабаленія кустарей были точно опредѣлены размѣры кредита, который купцы (maîtres marchands) могли оказывать рабочимъ (maîtres ouvriers). „Кустарное право“ заключало также постановленія противъ злоупотребленія штрафами, противъ расплаты товарами (Trucksystem) и противъ другихъ притѣсненій кустарей-рабочихъ. Статуты стремились также иногда, какъ я уже сказалъ выше, навязать предпринимателямъ справедливую оплату кустарей.

Кромѣ того—и это не менѣе замѣчательно—рядомъ съ этимъ „кустарнымъ правомъ“ и въ связи съ нимъ—черезъ всю исторію западно-европейской кустарной промышленности тянется тенденція регулировать условія производства или, точнѣе, условія конкурренціи. Въ этомъ смыслѣ западно-европейскіе кустарные союзы представляютъ недостаточно, къ сожалѣнію, изученный и многимъ даже совершенно неизвѣстный прототипъ картелей или промысловыхъ синдикатовъ. Кто изъ исторіи и современности знаетъ, какъ губительно отражаются именно на кустарномъ населеніи колебанія промышленности, потому что здѣсь для предпринимателя въ моментъ кризиса всегда безусловно выгоднѣе пріостановить производство, чѣмъ продолжать его, тотъ пойметъ, какой смыслъ и значеніе имѣли западно-европейскія попытки урегулировать кустарную промышленность на картельныхъ началахъ. Онѣ, въ общемъ, были безуспѣшны, между прочимъ потому, что самая эта форма промышленности оттѣснялась все больше и больше на задній планъ торжествующей фабрикой. Несомнѣнно также, что эти картельныя попытки, которыя подобно всему „кустарному праву“ стояли въ связи съ цеховыми традиціями, отчасти поэтому не могли не потерпѣть фіаско: онѣ шли въ разрѣзъ съ „либеральнымъ“ духомъ новаго времени и съ его глубокой потребностью въ экономической свободѣ.

Но несомнѣнно правъ Шмоллеръ въ своемъ указаніи, что кустарные союзы и кустарное право въ общемъ для западно-европейской кустарной промышленности представляли приблизительно то же, что для средневѣковаго ремесла цехи и цеховое

право, для современнаго капитализма — союзы фабрикантовъ и рабочихъ и фабричное законодательство.

Если мы теперь обратимся къ Россіи, то увидимъ, что въ ней никакихъ кустарныхъ союзовъ, никакого кустарнаго права не существовало. У насъ царила идеальная манчестерская свобода, при крѣпостомъ правѣ — полное laissez faire, laisser aller, смягчаемое, пожалуй,... высокимъ помѣщичьимъ оброкомъ и чиновничьими взятками.

Если западно-европейское ремесло технически подготовило капитализмъ, то въ соціально-экономическомъ отношеніи оно создало антикапиталистическія традиціи и понятія. У насъ капитализмъ былъ очень слабо технически подготовленъ, но за то среда, въ которую вторгся торговый капиталъ, была по отношенію къ нему юридически и культурно безоружна. Не было ни антикапиталистическихъ учрежденій, ни антикапиталистическихъ традицій

У насъ въ промышленности всегда господствовало децентрализованное товарное производство, т.-е. форма капиталистическая, безразлично какимъ путемъ она ни возникала. Соотвѣтственно этому въ „органически“ (какъ выражается г. Милюковъ) или „естественно“ (какъ выражаются другіе авторы) возникшей русской промышленной культурѣ—повторяю и подчеркиваю—всегда господствовала полная свобода промышленности и отсутствовала всякая регламентація [1]). Это значитъ, что производитель и торговецъ сходились совершенно свободно. Начинался тотъ же „неравный бой“, который происходилъ на Западѣ, но начинался, если можно такъ выразиться, прямо съ конца. Я предвижу упрекъ, что, говоря это, я принимаю схему Бюхера съ ея представленіемъ о „насильственномъ скачкѣ“. Этотъ упрекъ будетъ несправедливъ. Съ моей точки зрѣнія, для русской промышленной культуры характеренъ не Hausfleiss и не „народное“ кустарное производство, а кустарная промышленность, которая во всякомъ случаѣ на протяженіи всего быстро живущаго XIX вѣка играла въ нашей экономической жизни весьма крупную роль, и, что для меня всего важнѣе, играла ее задолго до распространенія парового транспорта, т. е. до окончательнаго торжества мѣнового хозяйства надъ натуральнымъ. Такимъ образомъ, вполнѣ

---

[1]) Значеніе этого факта отмѣчаетъ еще Георги и Шторхъ (цит соч III, 64—67) и въ особенности Корсакъ (цит соч 115).

развитому, современному капитализму въ Россіи предшествовала и его подготовила своеобразная промышленная культура, выражающаяся въ кустарной промышленности. Въ самомъ рѣшающемъ, съ социально-экономической точки зрѣнія, пунктѣ,—по условіямъ сбыта — эта промышленная культура, какъ децентрализованное товарное производство, ближе къ развитому капитализму (централизованному товарному производству), чѣмъ западно-европейское ремесло, производство на заказъ.

Я долженъ еще отвѣтить на возможное возраженіе. Говоря о кустарной промышленности, я совершенно оставилъ безъ вниманія связь промышленнаго производителя съ землей или, наоборотъ, его оторванность отъ нея. Сдѣлалъ это я вотъ почему. Съ точки зрѣнія систематики формъ промышленности этотъ признакъ не имѣетъ существеннаго значенія. Связь съ землей—въ извѣстномъ смыслѣ—можетъ сочетаться съ любой формой промышленности, и въ то же время мы видимъ, что она несовмѣстима ни съ какой формой промышленности, рѣзко дифференцированной, всецѣло выдѣлившейся изъ самодовлѣющей сферы натуральнаго хозяйства. Дѣйствительно, связь съ землей мы встрѣчаемъ и у ремесленниковъ, и у кустарей, и у фабричныхъ работниковъ. Но наличность и размѣры этой связи стоятъ въ общемъ въ обратномъ отношеніи къ интенсивности промышленной дѣятельности: интенсивное занятіе фабричной промышленностью, ремесломъ, кустарнымъ промысломъ порываютъ связь съ землей—промышленный производитель перестаетъ быть земледѣльцемъ, оставаясь у насъ нерѣдко землевладѣльцемъ, фактическимъ или номинальнымъ [1]). Интенсивному занятію промышленнымъ трудомъ — на сторонѣ каждаго производителя,—для всего народнаго хозяйства соотвѣтствуетъ интенсивное развитіе промышленности, опирающееся на глубокое національно-общественное раздѣленіе труда и это раздѣленіе выражающее.

Вотъ почему въ описаніи промышленной жизни и въ исторіи промышленнаго развитія связь съ землей не можетъ не занимать виднаго мѣста. Но въ основной системѣ формъ промышленности ей мѣста нѣтъ.

Позволю себѣ однако сдѣлать одно замѣчаніе. Связь съ землей есть, въ сущности, выраженіе той уже подчеркнутой мною общехозяйственной отсталости, которая сопровождается у насъ раз-

[1]) Классическіе примѣры: павловскіе кустари, кимрскіе сапожники и большинство нашихъ фабричныхъ рабочихъ.

витіемъ промышленнаго товарнаго (не ремесленнаго) производства и генетически съ нимъ связана. Въ этомъ смыслѣ я даже склоненъ традиціонный русскій лапоть признать исторически характернымъ символомъ. Наша кустарная промышленность не символизируется, конечно, лаптемъ; весьма характерно, однако, что послѣдній является у насъ продуктомъ не только мѣстнаго кустарничества, но и кустарной промышленности, настоящимъ рыночнымъ товаромъ. Лапоть, возведенный въ рангъ товара, своимъ товарнымъ бытіемъ, свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о низкомъ уровнѣ товарнаго производства, но, съ другой стороны, и о томъ, какія низкія сферы труда захвачены товарнымъ производствомъ, какая примитивная техника поставлена на службу мѣновой цѣнности. Такимъ образомъ, для всего русскаго народнаго хозяйства лапоть-товаръ является или, скорѣе, являлся весьма характернымъ и типичнымъ

Я бы желалъ также, чтобы мои указанія на наличность своеобразной русской промышленной культуры, близкой къ развитому капитализму, не были неправильно истолкованы. Сравнительно даже съ западно-европейскимъ ремесломъ эта кустарная культура являлась чрезвычайно примитивной, грубой, отсталой. Чисто экономически выигрывая, при приближеніи къ капитализму, въ разстояніи, мы технически и культурно оказывались позади и очень сильно позади Запада. Это задерживало и задерживаетъ наше развитіе.

Прежде чѣмъ въ краткихъ положеніяхъ резюмировать свои выводы, я долженъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Положенія мои основаны на фактахъ, а не „выведены изъ опредѣленій“. Каждое обобщеніе настоящей статьи можетъ быть ad libitum фактически подкрѣплено. Мои обобщенія и здѣсь, и въ критикуемой г Милюковымъ рецензіи явились и сложились не при писаніи данной статьи или рецензіи. Они представляютъ попытку научнаго историко-сравнительнаго истолкованія огромнаго, накопившагося въ нашей литературѣ, фактическаго матеріала. Поэтому любая обстоятельная книга о русской кустарной промышленности можетъ служить пособіемъ дла пониманія и провѣрки высказаннаго мною „систематическаго взгляда“ [1]).

[1]) Назову: А Корсакъ, цит. соч; В В „Очерки кустарн. промышленности въ Россіи“ Спб 1886 г.; Н Езерскій. „Кустарн. промышленность“. М 1894 г.; А. Прилежаевъ. „Что такое кустарное производство“? Спб. 1882, и М А Плотниковъ „Кустарные промыслы Нижегородской губ“

Резюмируемъ наши выводы.

1) Домашній промысловой трудъ, производящій избытки надъ собственнымъ потребленіемъ земледѣльца внутри единаго натуральнаго хозяйства, вовсе не характеренъ для русскаго экономическаго строя; онъ наблюдается вездѣ при маломъ развитіи общественнаго раздѣленія труда. Въ промышленной экономіи Россіи въ прошломъ и настоящемъ онъ игралъ и играетъ сравнительно незначительную роль.

2) Для Россіи характерно сельское децентрализованное товарное производство, дѣйствительно занимавшее и продолжающее занимать крупное мѣсто въ промышленной экономіи страны. Это и есть типическая для XVIII и въ особенности для XIX в. кустарная промышленность.

3) Товарный характеръ производства необходимо обусловливаетъ то господство въ русской кустарной промышленности капитала (въ той или другой формѣ), которое въ одинъ голосъ констатируется всѣми ея изслѣдователями.

4) Указанныя въ пп. 2 и 3 черты національнаго промышленнаго строя Россіи стоятъ въ извѣстной генетической связи съ ея экономической отсталостью, но въ то же время дѣлаютъ этотъ строй близкимъ къ развитому капитализму и въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ нимъ тождественнымъ. Этимъ Россія отличается, съ одной стороны, отъ Западной Европы, гдѣ капитализмъ столкнулся съ глубоко отличной отъ него промышленной культурой, съ другой—отъ прочихъ отсталыхъ восточно-европейскихъ странъ, гдѣ никакой сколько-нибудь значительной промышленной культуры до насажденія развитого капитализма не было.

Какъ видитъ читатель, наше построеніе нисколько не отрицаетъ своеобразія экономическаго и, въ частности, промышленнаго развитія Россіи. Но въ отличіе отъ тенденціозной идеализаціи, съ одной стороны, и отъ шаблоннаго отождествленія двухъ рядовъ развитія, съ другой стороны, оно пытается съ полной

Н. Новгородъ. 1894 г. Г. Плотниковъ даетъ опредѣленіе кустарной промышленности, „неуклюже“ и „многословно“ по собственному признанію автора выражающее то же, что и мое опредѣленіе: технически-ремесленное производство на широкій и неопредѣленный рынокъ или—въ терминахъ Бюхера—децентрализованное товарное производство. Г. Езерскій остроумно сливаетъ въ своемъ опредѣленіи мѣстное кустарничество и кустарную промышленность. Но такое слитное опредѣленіе — съ точки зрѣнія „длины пути“—совершенно непріемлемо.

объективностью установить какъ предѣлы и смыслъ своеобразія, такъ и дѣйствительные размѣры и значеніе тождественныхъ явленій и процессовъ. Такова, по крайней мѣрѣ, была цѣль автора. Достигнута ли она, судить не ему.

Если изъ всего выше развитаго вытекаетъ какой-нибудь общій историко-философскій выводъ, то содержаніе этого вывода рисуется мнѣ въ слѣдующихъ чертахъ Со временъ Чаадаева въ философіи русской исторіи нерѣдко то проскальзываетъ, то кладется во главу угла мысль объ историческихъ преимуществахъ, соединенныхъ для Россіи съ ея „молодостью“, съ ея естественною отсталостью, съ ея позднимъ приходомъ на историческую сцену. Исторія вообще, экономическая исторія въ частности, не оправдываетъ, думается мнѣ, этой идеи. Наша отсталость, или, выражаясь принятымъ г Милюковымъ терминомъ, элементарность нашей исторіи порождаетъ безпомощность и слабость культурныхъ традицій. Такъ и въ нашемъ случаѣ. Столкнувшись съ развитымъ капитализмомъ, мы не могли передать ему сколько-нибудь высокой техники, не могли встрѣтить его какими-нибудь прочными организаціонными традиціями. Мы даже при наличности своеобразной промышленной культуры—наличность такой культуры я не только не отрицаю, но, наоборотъ, подчеркиваю — сравнительно очень мало дали капитализму и ничего ему не противопоставили. Мы не поддержали положительныхъ сторонъ капитализма, а слабыя не только не отразили и не смягчили, а, наоборотъ, обострили нашей некультурностью. Таковы, думается мнѣ, тѣ сомнительныя преимущества „элементарности“ нашего культурнаго развитія, которыя можетъ установить исторія.